

ист и не было; *аванпорт* восходят не к франц. *porte*, а к *port* "порт"; *porte* это "дверь"; *буклет* не имеет отношения к франц. *bouclette* "завитушка", а происходит от англ. *booklet* "книжечка" (огметим, что эта досадная ошибка фигурирует и в МАС, и в "Словаре иностранных слов").

Но все эти частные замечания не должны позволить забыть о том, что новое издание

ССРЛЯ представляет собой замечательный лексикографический труд, самый полный свод толкуемой русской лексики, достойное отражение лексического состава русского языка за два последних столетия. Этому словарю суждена долгая жизнь, его будут использовать и учитывать при составлении любого серьезного словаря русского языка.

Гак В.Г.

Ковтун Л.С. *Азбуковники XVI—XVII вв.: старшая разновидность.* Л., 1989. 296 с

Birgegård U. Johan Gabriel Sparwenfeld and the lexicon Slavonicum: his contribution to the 17th century Slavonic lexicography. Uppsala, 1985, 160 p.

Sparwenfeld J.G. *Lexicon Slavonicum / Ed and commented by Birgegård U.V.* I: A—U. Uppsala, 1987, 511 p. V. II: K—O. Uppsala, 1988, 349 p.; V. III: П—Р. Uppsala, 1989, 271 p.; V. IV: C—V. Uppsala, 1990, 353 p.

Лексикография у восточных славян появилась вместе с христианской письменностью. Первоначально ее характер определялся традиционными для христианской византийской литературы формами, ибо зависел от известного круга источников: *Опота засга* Евсевия Кесарийского, глоссы и схолии греческих сочинений, служивших оригиналами для славянских переводов, толкования на св. Писание и на сочинения отцов церкви, из которых можно было извлечь краткие определения слов и толкования явлений. Затем прибавились и собственно славянские источники, основанные на лексическом варьировании при передаче одной и той же греческой лексемы в разных переводческих школах, а также греко-славянские разговорники, отвечавшие потребностям образования и взаимодействия культур. В XVI в. Максим Грек познакомил восточнославянскую письменность с лексиконом Сниды — крупнейшим византийским собранием схолий.

Исторический путь восточнославянской лексикографии обследован Л.С. Ковтуном в многочисленных статьях и нескольких книгах (см. [1—3]), являющихся ценным приобретением славяно-русского исторического источниковедения. Ее новый труд целиком посвящен Азбуковнику — лексикографической форме, появившейся в середине XVI в. и вытеснившей в следующем столетии старые лексикографические жанры — онома-

стиконы, приточники, разговорники и словари славяно-русские (под этим названием скрываются многочисленные разновидности притекстовых или получивших независимое хождение филологических словарей-глоссариев). Как и предыдущие работы Л.С. Ковтуна, книга содержит не только исследование, но и публикацию исследуемого источника, причем на текст с аппаратом к нему приходится большая часть книги (с. 126—294).

Для Азбуковника характерны следующие внешние признаки: алфавитное расположение статей и универсальность содержания. Первая черта отвечает значительно возросшему объему этой лексикографической формы, вторая связана с использованием в качестве источников всех ранее сложившихся лексикографических жанров. Вследствие второго обстоятельства по содержанию азбуковник представляет собою как бы сумму словарей старшего периода. Но составители азбуковника использовали источники и другого рода — прежде всего разнообразные глоссированные тексты. Так, например, Геннадиевская библия 1499 г. дала громадный материал латино-славянских соответствий, собранных с ее полей,

Ср.: "есвир VI. деласно, пронось речей" (с. 180) и запись на поле Ген. библии, л. 354, против стиха Есфирь 12.5 — "дѣла-сноу есть пронось рѣчей"; "прмдрос Э. дисертусъ, дострочень" (с. 180) и глоссу в Ген. библии, л. 448об, *дострочень*, которая относится к латинизму в тексте Прем. 7.22 *дисертусъ*; "прмдрос. AI. диссиму-лась, грѣхи человеком" (с. 180) и глоссу в Ген. библии, л. 454, *диссимулась*, которая относится к глаголу *представляеши* (Прем. 11.25), но ошибке отнесена к следующему далее словам *грѣхи чѣкомъ*. Ошибка совершена тем лицом, которое делало выборку глосс для их лексикографического применения.

В свое время Л.С. Ковтун выявила приемы филологической обработки глоссированного текста при составлении руко-

писных словарей [1, с. 18 и сл.], на материале азбуконника мы вновь сталкиваемся с этой, уже описанной практикой.

Как кажется, именно в случае привлечения нового материала составители азбуконника указали на полях свои источники. Среди них главными являются различные сочинения и переводы Максима Грека, Геннадиевская библия, Толковое евангелие, Хронограф (полный список источников см. на с. 56, а также [2, с. 248—250]). Проверка указаний на источники проведена автором лишь в малой степени, что же касается безадресного материала, то установление истории того, как определенный фрагмент текста стал отдельной словарной статьей и каким путем проникла эта статья в азбуконник, в каждом отдельном случае может вылиться в сложное источниковедческое и текстологическое исследование далеко не малого объема. Мы не вправе требовать и ожидать такой работы при современном состоянии изученности источников древнерусской письменности. Но уже сейчас ясно, что по мере расширения знаний в этой сфере будут уточняться наши представления об истории азбуконника, как и наоборот — изучение азбуконника дает более полное представление об истории всей соприкасавшейся с ним письменности.

Действительно, известный в очень немногих списках XVI в. полный библейский свод нашел весьма полное отражение в азбуконнике. Многочисленные списки Пятикнижия этой же эпохи, снабженные глоссами и схолиями на полях, вызывали у составителя азбуконника лишь случайный интерес, хотя были ему знакомы. Так, например, источником статей "Багадаты — Вавилонь" (с. 160, ср. также [2, с. 274]) и "Султань — царь" (с. 252) послужил, по всей вероятности, Кирилло-Белозерский список Пятикнижия конца XV в. № 2/7, лл 17, 59 (см. в издании А.В. Михайлова книги Бытия 10.10 и 40.1 [4]). Между тем другие глоссы этого списка в азбуконник не попали.

Анализируя состав источников старшего азбуконника, Л.С. Ковтун приходит к выводу, что составитель его находился в немалой степени под влиянием лексикографических идей Максима Грека, что общие цели азбуконника и широта его источниковедческой базы напоминают обширные проекты митроп. Макария — Великие мисси четы и Степенную книгу.

Зависимость азбуконника от его источников и в объеме, и в характере изложения словарного материала не дает, я думаю, права говорить об "энциклопедизме" этого

жанра, прежде всего в силу значения самого термина "энциклопедизм": оно не исчерпывается идеей всеобъемлемости, универсальности. Всеобщие и универсальные построения не менее характерны для эпохи схоластики, чем для нового времени, тогда как энциклопедизм выражает новый дух позитивной науки, связанной с опытом. Азбуконник — порождение полигисторского метода поздних схолиастов. Это следует подчеркнуть, чтобы правильно понять немалое количество словарных статей, которые должны показаться по меньшей мере странными современному читателю, воспитанному на определенном отношении к энциклопедизму. Действительно, с "энциклопедией" никак не вяжется описание в середине XVI в. Британии как страны, в которой жители ее кочуют "от мѣста в мѣсто нази и необувѣни, земли не дѣлают, но питаются паствою яолов и овощием, и царя не имут" (с. 165), наличие многих словарных статей, в которых форма описания сохраняет случайные черты контекста (ср. "вземствовав, насилствовав, възбрежева, чревату сотвори", с. 167), отражают случайности орфографии (ср. "оалу, хаалу", "форобу, недугъ", с. 272) или без какой-либо отсылки к источнику пускают в оборот глоссы, плохо понятные и в своем месте (ср. *есадалехъ — сухими*, что относится в I еп. библия к Второз. 28.27 и нуждается в филологическом исследовании).

Но нельзя преуменьшать значение таких словарных статей, которые несут в себе новый дух и отражают, например, конкретный языковой опыт. Ср.: "еле, едва, а невѣжьски рещи толко чють" (с. 188), "исполнѣ силень, а невѣжьски рещи исполнѣ богатырь" (с. 196, в списке азбуконника XVI в. стилистической интерпретации нет, см. [2, с. 266]).

Принципы сложения азбуконника, его структура и отношение к источникам были описаны Л.С. Ковтуном еще в 1975 г. [2, с. 206 и сл.], тогда же ею было опубликован один из списков краткого азбуконника подготовительного типа [2, с. 268—312]. В новой книге основное внимание уделено истории азбуконника в связи с его рукописной традицией. Едва ли можно переоценить значение этой вероятно большой и сложной текстологической работы. В результате ее сегодня нам известно 6 списков XVI в. краткого азбуконника подготовительного типа и 98 списков XVI—XVII вв., в которых представлены 7 типов азбуконника, генетически связанных между собою, азбуконник выборочного типа XVII в., а также

алфавитная симфония, или конкорданс, к библейским текстам¹.

История наиболее раннего азбуконника первого типа, известного по 18 спискам, подробно раскрыта во второй главе исследования (с. 50—116). Автор высказывает мнение, что в редактировании этого азбуконника принимал участие Нил Курлятев, а на поздний этап его развития оказал влияние Лексис Лаврентия Зизания 1596 г. Азбуконник этого типа издан в книге по списку О. XVI. 1 с разночтениями из Уваровского 311. Он содержит 2283 словарные статьи.

Издателью и типографии пришлось взять на себя непростую задачу полиграфического воспроизведения сложного по содержанию и по строению текста. Могут отметить только одну неправомерность прочтения или оплошность: "толкует же ся евномиание подобни" (с. 190, № 711), следует "евномиани неподобни" (евномиание относились к числу строгих последователей арианства — аномей), а также распространившиеся, к сожалению, в отечественных изданиях славянских средневековых текстов диакритное расположение частицы же в относительных местоимениях, отрицательных местоимениях и наречиях под влиянием современной лингвистической и орфографической нормы.

Характеризуя типы азбуконника, возникшее в течение столетия с середины XVI до середины XVII в., Л. С. Ковтун одновременно намечает и перспективу дальнейшей издательской работы. Конечно, особого внимания заслуживает второй тип азбуконника, самый распространенный в рукописной традиции (56 списков); он содержит более пяти тысяч словарных описаний, которые сопровождаются статьями грамматического и языковедческого содержания. Третий тип (7 списков) по объему еще больше второго за счет включения главным образом западнорусского и польского материала, что придает ему характер сопоставительно-славянистического труда. Наконец, еще большего объема седьмой тип (3 списка), изготовленный на Соловках в 60-е годы XVII в. и находящийся в особо тесной связи с лексикографической деятельностью Епифания Славинецкого.

¹Реально в этом месте книги (с. 9—10) перечислено 99 списков, тогда как на с. 8 указано их общее число 98. Список Q.XVI.6 назван дважды: в перечне рукописей 2-го и 6-го типов, но ведь он может содержать два разных азбуконника. Во втором азбуконнике дважды названа рукопись Q.XVI.2, вероятно, один раз следует читать Q.XVI.12

Как известно, латино-славянский словарь Епифания возник на базе замечательного лексикографического создания итальянца Амвросия Калепина (1435—1511), определившего формы европейской лексикографии XVI—XVII вв. Словарь Епифания со времени своего появления оказался не только в центре словарной деятельности у восточных славян, он явился также отправной точкой большой работы знаменитого шведского ученого полиглота Иоанна Габриеля Спарвенфельда (1655—1727).

Спарвенфельд со своими помощниками работал над словарем более двадцати лет (1684—1705). В наше время поведобился труд еще двух десятилетий шведской исследовательницы Уллы Биргегорд, чтобы этот лексикографический opus magnum увидел свет. Изданию предшествовал том с полным и всесторонним исследованием материала.

В 1684—1687 гг. в качестве королевского стипендиата Спарвенфельд изучал в Москве русский язык. Тогда он и обзавелся своими главными лексикографическими пособиями — латино-славянским словарем Епифания Славинецкого, славяно-латинским словарем Арсения Корецкого-Сатановского и Епифания Славинецкого и вторым, Кутейнским, изданием словаря Памвы Беринды. Дополнительными источниками словаря Спарвенфельда послужил лексикон Калепина, польско-латино-греческий словарь Григория Кнапского (Краков, 1621), грамматика Мелетия Смотрицкого (Москва, 1648), "иллирийско"-латино-итальянский словарь Якоба Микалини (Лоретто, 1649), в котором для первого столбца материал дал далматинский говор хорватского языка, а также отрывок рукописного польско-русского словаря, который Спарвенфельд приобрел в Москве в качестве лексикографического произведения Симеона Полоцкого.

Известен и ход работы над словарем. Черновой вариант его был составлен Маттасом Збани, словаком по происхождению, которого Лейбниц рекомендовал Спарвенфельду специально для этой работы как знатока славянских языков (что было справедливо, однако, лишь в самой малой степени). Редакторскую правку осуществляли кроме самого Спарвенфельда несколько лиц русского происхождения, интернированных или оказавшихся в плену в Швеции в первые годы XVIII столетия, среди них — русский резидент в Стокгольме А.И. Хилков и его секретарь А. Манкиев, известный в истории русской письменности как составитель "Ядра русской истории"

Именно А. Манкиев окончательно переписал своим отличным грамотным почерком славянский столбец чистового экземпляра словаря.

Словарь предназначался для публикации. Дело в том, что после Столбовского мира 1621 г. на землях Швеции оказалось немалое количество русских подданных, что привело к возникновению специальной канцелярии, ведавшей славянской документацией, книгоиздательского дела и проч. Вследствие этого уже в XVII в. впервые в Европе "знание русского языка стало в Швеции государственным делом со всеми вытекающими из этого последствиями" [5]. Издательский проект Спарвенфельда несмотря на свою обширность не был, таким образом, лишен практической целесообразности. Но его осуществлению, безусловно, не способствовали военно-политические события на востоке Балтики, а также издание в 1704 г. славяно-греческо-латинского лексикона Федора Поликарпова, созданного на основе того же круга источников. Спарвенфельд и не довел до конца работу по первоначальному плану: славянские слова остались без немецких и шведских параллелей.

Сегодня в изданном виде словарь Спарвенфельда содержит 25 636 словарных статей. И хотя благодаря богатой синонимике его славянский словник значительно больше этой цифры (он будет вполне представлен в заключительном томе издания, содержащем индексы), все же после недавней научной публикации его источников, осуществленной в 1969 и 1973 гг. О. Горбачев и В.В. Нимчуком, и на фоне лексикона Поликарпова (кстати сказать, также переизданного в сопровождении ценной историко-лексикографической статьи [6]), в значительной мере он нам известен. Особый интерес могут лишь вызвать обиходные речения русского языка, изредка добавлявшиеся его русскими редакторами или собранные еще в Москве самим Спарвенфельдом (последние, впрочем, не включены ни в основной корпус словаря, ни в дополнение к нему, а изданы отдельно, см. [7]). В этих условиях главное внимание издателя словаря закономерно сосредоточилось на демонстрации механизма лексикографической работы, выполненной Спарвенфельдом и его помощниками. В данном случае источниковедческая база характеризуется уникальной полнотой: в нашем распоряжении находятся все источники словаря, его черновые списки и его чистовой экземпляр, — все это было передано Спарвенфельдом в архив Уппсальского университета, где и сегодня пребывает в целостности и сохранности. Наконец, мы рас-

полагаем достаточно полными сведениями об участниках работы.

Невозможно по справедливости оценить тот громадный труд, который вложила У. Биргегорд в публикацию этого материала. Благодаря сложной системе разнообразных помет и подстрочных комментариев в каждом отдельном случае читатель получает полное представление об источниках данной словарной статьи, о всех этапах ее редактирования, об авторстве каждого элемента и каждого изменения в статье. До сих пор историческая русистика не имела в своем распоряжении столь тщательно с рачуной и исчерпывающей полнотой обработанного лингвистического источника. В сфере эдиционной техники и лингвистического источниковедения труд У. Биргегорд создает прецедент, следовать которому будет нелегко, но отмахнуться — невозможно. Заодно нужно отметить высокие полиграфические качества публикации, отличную работу типографов и щедрость шведской Академии наук, обеспечившей финансирование этого дорогостоящего издания по славянской филологии.

Благодаря исследованию названного источника и изданию его в науку введен новый корпус историко-лексикографического и историко-лингвистического материала, а наши представления о том, как осуществлялась в ту эпоху лексикографическая практика, значительно обогащаются. Ведь несмотря на уникальность тех исторических обстоятельств, в которых возник словарь Спарвенфельда, этот лексикографический опус крайне сложен с азбучником на последнем этапе его развития. Характерными в том и другом случае можно считать следующие черты: 1) использование в качестве источников по преимуществу готовых лексикографических сводов (а не самостоятельный сбор материала по памятникам письменности), 2) восприятие языка через его письменную форму с предпочтением книжных, славянизированных жанров; 3) восприятие славянских языков как лингвистического континуума, в котором положение генетического центра ("матери") занимает церковнославянский язык. По-видимому, в самой технике изготовления тех поздних азбучников, которые вообрали в себя польские и западно-русские материалы или опирались на словарь Епифания Славянского, можно будет наблюдать те самые приемы, которые так отчетливо описаны У. Биргегорд в случае Спарвенфельда и его кружка.

В отличие от большинства других иностранных описателей восточнославянской языковой ситуации Спарвенфельд не огра-

ничил себя узко практическими целями — фиксацией живого употребления в жанре словаря-разговорника. Его интерес к литературному языку, к историческому аспекту его формирования, к межславянским языковым отношениям имел в значительной мере научное происхождение. Его взгляд на славянскую языковую проблематику был типичен для той эпохи, породившей позже в сфере языковой политики теорию трех штатов и в сфере практики славяно-сербский язык. На этом пути осуществлялось формирование сравнительно-сопоставительного метода в языкознании, научный характер которому был придан в начале XIX в. освоением концепции историзма. Как византийско-славянская лексикографическая традиция, принявшая на последней ступени своего развития форму азбуковника, и сиропейская гуманистическая традиция встречаются друг с другом, чтобы совместно подготовить и встроить эпоху исторического языкознания.

Точно так и независимая работа двух исследовательниц в области истории лексикографии служит взаимному обогащению результатов. Труд той и другой далеко

выходит за рамки обычной научной деятельности своим подвижническим характером, это дело жизни, для выполнения которого недостаточно только усердия, только учености — нужен особый душевный дар. Удивительно и прекрасно его проявление в нашей скромной по своему общественному значению науке!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ковтун Л. С. Русская лексикография эпохи средневековья. М.; Л., 1963.
2. Ковтун Л. С. Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII вв. Л., 1975.
3. Ковтун Л. С. Древние словари как источник русской исторической лексикографии. Л., 1977.
4. Михайлов А. Книга Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Вып. I—IV. Варшава, 1900—1908. С. 62, 338.
5. Дюрович Л. Предисловие // *Slavica Lundensia*, Pt 3: Очерки по раннему периоду славяноведения в Швеции / Lund, 1975. С. 8.
6. Polikarpov F. *Lexicon treiazučnvi. Dictionarium trilingue. Moskva, 1704* (=München, 1988).
7. Биргегорд У. Глоссарий русского разговорного языка конца 17-го века // *Rling*. 1975. № 2.

Алексеев А. А.

Демьянов В. Г. Фонетико-морфологическая адаптация иноязычной лексики в русском языке XVII века: М.: Наука, 1990. 160 с.

Одним из крупнейших достижений отечественной исторической русистики в последние десятилетия явилось издание целого ряда памятников письменности XI—XVII вв. — от "Синайского патерика" и "Изборника 1076 г." до "Грамоток" и "Вестей-Курантов". Именно этот последний источник [1—4], представляющий собой рукописные известия о событиях за рубежом, т. е., по сути дела, первую русскую газету, лучше многих других отражает обиходный русский язык XVII столетия — в значительной мере свободный от церковнославянского влияния и в то же время относительно упорядоченный, поскольку вести-куранты предназначались для августейших особ. Активным участником многолетней работы по публикации курантов является В. Г. Демьянов. Рецензируемая книга — результат наблюдений автора над иноязычной лексикой в "Вестях-Курантах" и других письменных памятниках XVII в., как опубликованных, так и ожидающих издания.

По справедливому замечанию В. Г. Демьянова, основными исследованиями об исто-

рии заимствований в указанный период до сих пор остаются "устаревшие с каждым годом всё более" работы Н. А. Смирнова [5] и В. Христиани [6] (с. 5). Выходящие сейчас исторические и этимологические словари, к сожалению, не всегда учитывают материал вновь изданных текстов, и поэтому хронология заимствований нередко отодвигается на пятьдесят, сто, а то и более лет позднее действительной даты первой фиксации. Так, например, в [7] сообщается, что слово *корсар*, заимствованное в конце XVII в., зафиксировано в современной форме лишь в 1782 г.; между тем производное *корсарский*, засвидетельствованное в [3], позволяет отнести данное заимствование к первой половине XVII в. В том же источнике представлена форма *кюрасир*, хотя по данным [7] это слово было заимствовано только в Петровскую эпоху. Таким образом, уже сам факт введения в научный оборот обширного материала, относящегося к заимствованиям, обуславливает существенное значение рецензируемого труда для русской исторической лексикологии.

Однако, как явствует из названия, целью исследования, предпринятого В. Г. Демьяновым, является не лексико-фактографическое описание, а подробный анализ путей освоения иноязычной лексики в русском языке — анализ, актуальность которого еще